

Михаил Седов

ПОСЛЕДНИЙ СЕАНС

Михаил Седов
Последний сеанс

«Автор»

2026

Седов М.

Последний сеанс / М. Седов — «Автор», 2026

Кабинет доктора Вольского был храмом тишины и власти над чужим сознанием. Здесь развязывали узлы прошлого и стирали монстров из памяти. Но в тот вечер роскошное кресло гипнотерапевта стало местом преступления. Убийца не оставил ни отпечатков, ни следов, лишь странный, едва уловимый запах чужого парфюма и парализованного ужасом пациента, который ничего не помнит. Все улики указывают на него. Инспектор Ларин уверен: дело можно закрывать. Но у следовательницы Марковой есть сомнения. Что если идеальное преступление спланировал тот, кого даже не было в комнате? Что если в подсознании главного свидетеля живет не только правда, но и чужой, смертельный приказ? Расследование ведет в лабиринт, где каждая память — ловушка, а каждый сеанс прошлого мог стать репетицией убийства.

© Седов М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Тихий час доктора Вольского	5
Свидетель без памяти	10
Архив теней	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Последний сеанс

Тихий час доктора Вольского

Тишина в приемной была густой, вязкой, как сироп. Виктория прислушивалась к ней, разбирая на слои. Гул города за двойными окнами – далекий, приглушенный. Тиканье настенных часов с маятником – ровное, метрономичное. Собственное дыхание. И – ничего больше. Ни бархатного баритона из-за дубовой двери, ни скрипа кресла, ни привычного шуршания страниц в паузе между репликами.

Сеанс начался в шесть. Сейчас стрелки, ползущие по лимонному циферблату, показывали без двадцати девять. Доктор Вольский никогда не задерживался сверх отведенного часа. «Границы, Вика, – говорил он, поправляя очки. – Без них терапия превращается в болото. И пациент тонет, и терапевт». Его правила были выверены, как линии в архитектурном проекте. В восемь ровно он должен был выйти, кивнуть ей, сказать: «До завтра», и пройти в свою маленькую кухню заварить чай. Но сейчас было восемь сорок.

Тревога поднималась по ее жилам медленно, холодными иглами. Сначала просто недоумение, потом легкое раздражение (она могла уже уйти), и наконец, острое, животное беспокойство, сжимавшее горло. Она подошла к двери, приложила ладонь к прохладному дереву. Ни звука. Абсолютная тишина из-за двери была страшнее любого крика.

Она постучала. Легко, почти извиняясь.

– Аркадий Леонидович? Извините, у нас сбой в расписании?

Ответа не было.

Тогда она взялась за ручку. Массивная латунная головка была холодной. Дверь открылась беззвучно, на миллиметр, на сантиметр. Она заглянула в щель.

Кабинет жил в своих обычных сумерках. Свет от торшера в углу мягко тонул в темно-синей ткани стен, отражался от полированного паркета, выхватывая из мрака знакомые острова: угол книжного шкафа, грань стола, спинку кресла. Кресло. Оно стояло на своем месте, развернутое к камину. В нем была тень, более густая, чем окружающий полумрак.

– Аркадий Леонидович? – ее голос прозвучал слишком громко, хрустально-хрупко.

Она вошла. Воздух встретил ее знакомым, успокаивающим коктейлем запахов: воск, старая бумага, сухая лаванда. Но поверх, едва уловимо, висела нота чего-то чужого – терпкого, сладковатого, словно дорогой мужской парфюм, перебитый чем-то металлическим, медным. Она сделала еще шаг, и шаг этот прозвучал оглушительно. Скрип паркета отозвался в тишине, как выстрел.

Фигура в кресле не шелохнулась.

Виктория обошла кресло, и свет от настольной лампы, которую она машинально шелкнула, упал на лицо доктора Вольского.

Он сидел, откинув голову на высокий подголовник, глаза были закрыты, выражение лица – спокойное, почти умиротворенное. Казалось, он просто задремал во время медитации. Если бы не алая, почти черная в этом свете полоса, стекавшая от виска по щеке к подбородку, размывающая четкую линию скулы. И если бы не предмет, лежавший у его ног на темном ковре: массивный пресс-папье из черного обсидиана, подарок одного из пациентов. Его гладкая поверхность теперь была матовой, липкой.

Виктория не закричала. Воздух вырвался из ее легких тихим, бессильным свистом. Она отступила, спина ударилась о край стола. В глазах помутнело, и она судорожно сглотнула, пытаясь вернуть реальность на место. Но реальность раскололась. Упорядоченный, безопасный мир кабинета, где царил разум, был осквернен. Здесь, в святая святых, произошло что-то невозможное, дикое, животное.

Ее взгляд, бегающий, ничего не видящий, наткнулся на дверь в соседнюю комнату – небольшую комнату отдыха для пациентов, где можно было прийти в себя после глубокого погружения. Дверь была приоткрыта. И там, в полосе света из кабинета, она увидела ногу. Коричневый ботинок, аккуратные брюки.

Оцепенение лопнуло. Она оттолкнулась от стола, выбежала в приемную, схватила телефон. Пальцы не слушались, она дважды ошиблась в номере. Когда на другом конце ответил диспетчер, ее голос прозвучал чужо, плоским, лишенным всякой интонации: «Убийство. Улица Садовая, дом семнадцать, кабинет доктора Вольского. Есть... есть еще один человек. Кажется, живой».

Пока она ждала, сидя на краешке своего стула и уставившись в стену, время потеряло всякий смысл. Она слышала только стук собственного сердца в висках и далекий, нарастающий вой сирены, который врзался в тишину особняка, как нож в мягкую ткань.

Первыми были наряды. Потом, кажется, через вечность, пришли они.

Мужчина – крупный, грузный, в помятом плаще, с лицом, на котором усталость боролась с привычным цинизмом. Он вошел, огляделся быстрым, оценивающим взглядом, пожал плечами, словно уже все понял. Женщина за ним была другой. Высокая, прямая, в строгом сером пальто, с лицом, высеченным из камня. Ее серые глаза медленно, без суеты, скользили по обстановке приемной, впитывая детали: аккуратные стопки бумаг на столе Виктории, идеально прямые углы ковра, пыль на рамке диплома в углу. Эти глаза ничего не пропускали. Они казались неспособными к удивлению.

Инспектор Ларин кивнул Виктории, даже не представившись, и прошел в кабинет. Женщина задержалась на секунду.

– Елена Маркова, следователь прокуратуры, – сказала она тихо, но отчетливо. – Вы обнаружили?

Виктория кивнула, не в силах вымолвить слово.

– Где второй человек?

Виктория показала пальцем на дверь. Маркова кивнула, ее взгляд на мгновение смягчился, но это была не жалость, а сосредоточенность. Потом она последовала за Лариным.

В кабинете уже хозяйничали оперативники. Вспышки фотоаппаратов выхватывали из полумрака жуткие стоп-кадры: профиль мертвого доктора, черную лужу на ковре, зловещий блеск обсидиана. Ларин стоял посреди комнаты, жевал зубочистку и смотрел на тело.

– Ну, что тут думать, – произнес он хриловатым голосом. – Классика. Психи, гипноз, что-то пошло не так. Пациент в соседней?

– В ступоре, – отозвался кто-то из сотрудников. – Не говорит, не двигается. На рукаве кровь, предварительно – совпадает с группой покойного. На пресс-папье его отпечатки. Дверь в кабинет была закрыта изнутри, ключ в замке. Окно закрыто.

Ларин развел руками.

– Открывай и закрывай. Мотив найдем – невысказанная агрессия, может, всплыло что. Доктор копался, достал, пациент взял первую попавшуюся тяжесть и трахнул. Сам потом в отключку ушел от шока. Все логично.

Маркова не ответила. Она медленно обходила периметр, не приближаясь к телу. Ее взгляд скользил по поверхностям, считывая не хаос, а порядок. Слишком большой порядок. На столе доктора блокнот лежал идеально параллельно краю. Ручки – в держателе. стакан воды – на coaster, без единого кольца от конденсата. Книги в шкафу стояли ровными рядами, без малейшего выступа. Пресс-папье был единственным предметом, выпавшим из этой безупречной системы. И он лежал слишком аккуратно, прямо у ног кресла, будто его положили, а не уронили в порыве ярости.

Она остановилась около кресла, но смотрела не на тело, а на пространство вокруг. На темную кожу подголовника, на подлокотники. Ни царапин, ни заломов. Ковер вокруг кресла был чистым, если не считать ужасного пятна. Ни следов борьбы, ни волочения, ничего.

– Ларин, – позвала она тихо.

Тот нехотя подошел.

– Посмотри на позу.

– Что на позу? Сидит.

– Он сидит расслабленно, – сказала Маркова. – Голова откинута, руки на подлокотниках, пальцы слегка согнуты. Он не пытался вскочить, увернуться, закрыться. Он даже не напрягся. Как будто не видел угрозы. Или видел ее перед собой, а удар пришел сзади. Но тогда почему он не обернулся на шум?

Ларин хмыкнул.

– Может, заснул под гипнозом? Пациент встал, взял штуку, ударил.

– Сзади?

– Ну, подошел сзади. Типа в трансе шел.

– А кресло не повернулось? Оно на вращающейся основе. Удар был бы по касательной, соскользнул бы. Нет, удар прямой, точный, в висок. Чтобы так ударить сзади, нужно было зафиксировать кресло. Или чтобы доктор сам не двигался. Совсем.

Она наклонилась, стараясь не дышать. Запах. Тот самый коктейль: воск, бумага, лаванда. И еще что-то. Чужое. Она закрыла глаза, позволила носу анализировать. Да, парфюм. Дорогой, сложный, с нотами кожи и табака. Не Вольский. Он пользовался только одеколоном старого образца, с запахом свежей травы. И не Коваль, по крайней мере, когда он приходил раньше, от него пахло лаймом и чистотой.

- Чувствуешь? – спросила она Ларина.
- Тот пошмыгал носом.
- Кровь пахнет. И духота.
- Нет. Чужой парфюм.
- Фантазии, Маркова. Уборщица надушилась, пациент надушился. Не цепляйся.

Она выпрямилась и подошла к двери в комнату отдыха. Внутри, на узком кушетке, сидел Павел Коваль. Он сидел прямо, руки сложены на коленях, взгляд устремлен в стену перед собой. Казалось, он смотрит на что-то очень важное, но на стене не было ничего, кроме обоев в мелкий цветочек. Его лицо было бледным, матовым, как бумага. На рукаве его пиджака, у запястья, темнело бурое пятно. Небольшое, размером с монету.

Маркова присела на корточки перед ним, оказавшись на уровне его глаз. Они были карими, влажными, зрачки расширены. Они смотрели сквозь нее.

- Павел Игоревич, – сказала она мягко, но четко. – Вы меня слышите?

Никакой реакции. Ни моргания, ни изменения ритма дыхания.

– Он в глубокой диссоциации, – прозвучал голос за ее спиной. Это был судмедэксперт, немолодой мужчина с умными, усталыми глазами. – Кататонический ступор. Сознание где-то далеко. Мы его заберем в стационар, но я не уверен, когда он выйдет. Шок плюс, возможно, постгипнотическое состояние.

Ларин, стоявший в дверях, качнул головой в сторону кабинета.

– Вот и ответ. Нагипнотизировал человека, а тот взял и вырубил его. А сам в защиту ушел – в небытие. Дело-то проще некуда.

Маркова не спорила. Она смотрела в пустые глаза Ковалья, и ее собственная, давно похороненная память шевельнулась где-то глубоко, как холодный ключ на дне колодца. Она помнила это чувство – когда граница между твоим «я» и чужим голосом стирается, и ты перестаешь понимать, где заканчиваешься ты и начинается кто-то другой. Она помнила ужас этой потери.

Она встала, отряхнула ладонью край пальто.

– Забирайте его, осторожно, – сказала эксперту. Потом повернулась к Ларину. – Дело, Игорь Станиславович, возможно, и простое. Но слишком уж оно... чистое. Как чертеж. В жизни так не бывает. Убийство – это всегда хаос. А здесь только одна точка хаоса. Это пятно. Все остальное – идеальный порядок. Меня это беспокоит.

Ларин вынул изо рта зубочистку, разглядел ее, бросил в карман.

– Беспокойся, если хочешь. Но факты: закрытая комната, человек в ступоре, его кровь на орудии, его отпечатки. Остальное – домыслы и запахи. Будем работать с тем, что есть.

Он вышел, отдавая распоряжения. Маркова осталась в дверном проеме, глядя то на застывшего Ковалья, которого уже бережно поднимали санитары, то на очертания кабинета, где под белыми простынями теперь угадывалась форма кресла и тела в нем.

За окном, в черной воде осенней ночи, отражались огни города. Оранжевый, натриевый свет фонаря падал на подоконник, выхватывая из темноты одинокий ярко-желтый лист, при-

липший к мокрому стеклу. Он держался, сопротивляясь ветру, трепеща, как живой. Единственное яркое пятно во всей этой серо-коричневой, приглушенной реальности.

Маркова ощутила холодный, знакомый спазм в желудке. Страх. Но не перед мертвым телом или возможным маньяком. Страх перед тем, что истина в этом деле может оказаться не материальной. Что она может скрываться не в отпечатках и пятнах крови, а в темных, извилистых коридорах чужого сознания. Там, где ее собственная уверенность бессильна.

Она глубоко вдохнула, пытаясь поймать тот чужой запах снова. Но он растворился. Остался только запах смерти и лаванды. И тишина, теперь нарушенная навсегда.

Свидетель без памяти

Комната для допросов в изоляторе временного содержания была лишена личности. Серые стены, серый стол, привинченный к полу, два стула – один для следователя, другой, потяжелее, с креплениями для наручников, для допрашиваемого. Воздух пах старым страхом, хлоркой и пылью, вперемешку с запахом дешевого кофе из пластикового стаканчика, который инспектор Ларин поставил перед собой. Освещение – резкое, безжалостное, от люминесцентных ламп под потолком. Оно выжигало тени, делало лица плоскими, масками. Каждая морщина, каждая кровинка в глазах была как на ладони.

Павел Коваль сидел на своем стуле, руки лежали на столе ладонями вниз. Поза была неестественно прямой, выученной, будто его все еще держал невидимый каркас. Его привезли из стационара всего пару часов назад. Врачи развели руками: физически здоров, кататоническая симптоматика ослабла, речь вернулась, ориентируется в месте и времени. Готов отвечать на вопросы. Готов ли он – это был другой вопрос.

Ларин откинулся на спинке стула, создавая видимость расслабленности, но его глаза, маленькие, острые, как буравчики, не отрывались от Ковалья.

– Ну что, Павел Игоревич, – начал он, голос нарочито будничным. – Очухались, значит. Давайте по порядку. Вы помните, зачем пришли к доктору Вольскому вчера?

Коваль медленно перевел взгляд с бесконечной точки на стене на лицо Ларина. Движение было плавным, почти механическим.

– Сеанс, – сказал он. Голос у него был тихий, ровный, без колебаний. – У меня... были проблемы. После смерти жены. Бессонница. Панические атаки. Доктор Вольский помогал.

– Помогал. И вчера должен был помочь?

– Да. Очередной сеанс. В шесть вечера.

Маркова стояла у стены, в тени, за спиной у Ларина. Она не садилась, предпочитая наблюдать со стороны. Ее блокнот был закрыт. Она смотрела не на губы Ковалья, а на его глаза. В них не было ни страха, ни злобы, ни даже привычной для таких ситуаций растерянности. Была пустота. Стеклянная, отполированная пустота.

– Расскажите, как все было. С самого начала. Вошли в кабинет.

Коваль сделал паузу. Его взгляд снова уплыл куда-то за пределы комнаты, в серую мглу воспоминаний.

– Я вошел. Доктор попросил пройти, занять кресло. Его кресло. Он... сел напротив. Спросил о самочувствии. Говорил тихо. Все как всегда. Потом... потом он начал сеанс.

– Что значит «начал сеанс»? Конкретнее.

– Он попросил расслабиться. Сосредоточиться на дыхании. На его голосе. Слушать только его голос. В кабинете было тихо. Только его голос и тиканье часов. На камине. Большие старые часы.

Ларин кивнул, подгоняя.

– И? Вы расслабились?

– Да. Я чувствовал... тяжесть. В руках, в ногах. Тепло. Он говорил, что я погружаюсь. Что это безопасно. Что я могу отпустить контроль. И я... отпустил.

Его собственные слова, казалось, удивляли его самого. Он произносил их как заученный текст, без эмоциональной привязки.

– И что потом? Что вы видели, слышали?

Коваль помолчал дольше. Веки его дрогнули.

– Потом... ничего.

– Как это ничего? – Ларин наклонился вперед, положил локти на стол. – Вы же не уснули.

– Нет. Не уснул. Это не сон. Это... провал. Как будто пленку вырезали. Один момент – я слышу его голос, чувствую кожу кресла под пальцами, запах... запах воска и лаванды. А следующий момент... крик. Женский крик. И я уже стою в той комнате, маленькой. И смотрю на дверь. А из-за нее кричат.

Его голос оставался ровным, но в нем появилась тонкая, едва уловимая трещина – недоумение. Не ужас, не отчаяние. Именно недоумение, как у ребенка, который не может собрать простейший пазл.

– Вы ничего не делали в этом «провале»? Не вставали? Не брали в руки что-то тяжелое, холодное?

– Нет.

– А кровь на вашем рукаве откуда?

Коваль посмотрел на свой пиджак, на тот самый рукав. Он сделал это так, словно впервые замечал пятно.

– Я не знаю.

– Вы не чувствовали, как бьете человека? Не слышали звук удара? Не видели крови?

– Нет. – Ответ был чистым, почти стерильным. В нем не было и тени лжи. Была только эта пугающая, абсолютная пустота.

Ларин выдохнул, отпил кофе, сморщился.

– Павел Игоревич, давайте по-честному. Мы понимаем, вы в стрессе. Травма, гипноз... все могло смешаться. Вы злились на доктора? Может, он нажал на какую-то болезную тему? Заставил вспомнить то, что вы не хотели? Про аварию, про жену?

При упоминании жены что-то дрогнуло в каменном лице Ковалю. Небольшой, микроскопический спазм в уголке рта. Но глаза остались пустыми.

– Я не злился на доктора. Он помогал.

– А может, помогал так, что стало невыносимо? – настаивал Ларин, его голос стал жестче, назидательнее. – И в какой-то момент эта накопленная злость, эта ярость нашла выход. Вы ведь даже не помните, как это произошло. Классическое вытеснение. Психика защищается, стирает ужасное. Так бывает. Признайте это – и станет легче. Вам же лучше, смягчающие обстоятельства, лечение, а не тюрьма.

Маркова видела, как Ларин ведет допрос по накатанной колее. Он предлагал готовый сценарий, удобный, логичный, упакованный в термины судебной психологии. «Вытесненная ярость». Идеальный мотив для прокурора и суда. Коваль слушал, его лицо оставалось непроницаемым. Он не кивал, не отрицал. Он просто принимал эти слова, как принимал бы звук дождя за окном – как факт, не имеющий к нему прямого отношения.

– Я не помню ярости, – наконец сказал он. – Я не помню ничего. Только голос. И потом крик.

Ларин откинулся, разочарованно шелкнул языком. Он поймал взгляд Марковой, стоящей в тени, и едва заметно пожал плечами: мол, видишь, варит. Но Маркова видела другое. Она видела, что Коваль не сопротивляется обвинению не потому, что признает вину, а потому, что у него нет доступа к тому, что могло бы быть доказательством его невиновности или вины. Его память была не заблокированной – она была отрезанной. Аккуратно, хирургически.

– Вы упомянули запах, – тихо, но четко сказала Маркова, делая шаг из тени. Ларин нахмурился. Коваль перевел на нее свой стеклянный взгляд. – Запах воска и лаванды. А что еще? В кабинете. Может, еще какой-то запах? Чужой?

Коваль замер. Его взгляд сфокусировался на ее лице, впервые за весь допрос в его глазах мелькнул слабый огонек – не понимания, но усилия. Он пытался нырнуть в тот провал, ощупать его темные стенки.

– Был... еще один запах. – Он говорил медленно, с трудом вытаскивая слова из глубин. – Сладкий. Тяжелый. Как... кожа новая и табак. Духи. Не доктора. Доктор пахнет... травой. А это было... чужое.

Ларин фыркнул.

– Опять эти духи! Маркова, ну сколько можно.

Но Маркова не обращала на него внимания. Она смотрела на Ковалья.

– Вы слышали что-то еще? Кроме голоса доктора и тиканья часов? Может, еще один голос? Шорох? Шаг?

Коваль зажмурился, его лицо исказила гримаса настоящей, физической боли.

– Нет. Только голос. Его голос. Он был... везде. Он заполнял все. Как вода. Я тонул в этом голосе.

Он открыл глаза. Они стали влажными, но слез не было. Только безысходная усталость.

– Больше я ничего не помню. Вы можете спрашивать хоть сто раз. Там ничего нет.

Ларин закончил допрос, дав подписать протокол. Коваль подписал, не глядя. Его увели. В комнате остались они вдвоем: Ларин, доедающий холодный кофе, и Маркова, все еще стоящая у стены.

– Ну? – спросил Ларин. – Убедился? Пустое место. Психика сломана, память вытеснила. Все по Фрейду, хоть в учебник вноси.

– Он не вытеснил, – отрезала Маркова. – Вытеснение – это когда память есть, но она подавлена, она влияет, проявляется в снах, в оговорках. У него не подавление. У него ампутация. Как будто кто-то взял и вырезал кусок времени чистым лезвием. И обрати внимание, что он помнит. Начало сеанса. Запахи. Ощущения. Очень детально. А вот сам акт насилия – нет. Не логично для спонтанной вспышки ярости. Обычно все наоборот: человек не помнит деталей до и после, но сам удар, крик – это врезается.

– Ну, может, гипноз так повлиял. Я не специалист по этому бреду.

– Именно, – тихо сказала Маркова. – Мы не специалисты. А нужно стать.

Вернувшись в свой кабинет в прокуратуре, Маркова села за стол. За окном медленно смеркалось. Синий свет монитора ложился на ее руки, подчеркивая резкие сухожилия. Она открыла файл, присланный из секретариата Вольского – предварительные записи, сделанные

доктором после первых консультаций с Павлом Ковалем. Виктория передала их без возражений, словно надеясь, что в них найдется оправдание.

Записи были клинически точны, но в них сквозила странная, почти поэтическая образность. Вольский не просто констатировал факты, он рисовал портрет психики.

Пациент: Коваль П.И.

Первичный прием: 15.09.

Жалобы: Инсомния, тревожность, панические атаки (триггер – звук тормозов, запах гари), чувство вины ретроспективного характера («я должен был быть за рулем», «я мог ее спасти»). Состояние после потери супруги (ДТП, 11 месяцев назад). Амбулаторное лечение у невролога с минимальным эффектом.

Наблюдения: Высокий уровень интеллекта, сильный контроль над внешними проявлениями эмоций. Контроль носит компенсаторный, истощающий характер. Признаки деперсонализации в моменты тревоги («как будто это происходит не со мной»).

Гипнабельность: Исключительная. Вход в состояние легкого транса достигнут на первой же пробной сессии за 3 минуты. Пациент демонстрирует феноменальную восприимчивость к образным внушениям, двигательным командам. Глубина погружения оценивается как сомнамбулическая (4-5 степень по Шкале Дэвида). ВАЖНО: Отмечается выраженная амнезия на события глубокой фазы при возвращении. Пациент сохраняет лишь общее ощущение «путешествия», но не детали. Психика пластична, восприимчива, как влажная глина. Травма создала зону повышенного энергетического заряда, вокруг которой выстроены хрупкие защитные конструкции. Подход должен быть максимально бережным. Риск ретравматизации высок, но и потенциал для катарсиса и переструктуризации значителен.

План: Поэтапная десенсибилизация к триггерам. Работа с виной через метафору «внутреннего свидетеля». Использование гипноза для доступа к ресурсным состояниям до момента травмы. Крайняя осторожность с постгипнотическими внушениями – ввиду высокой гипнабельности, они могут закрепляться слишком жестко.

Маркова перечитала последний абзац дважды. «Пластична, как влажная глина». «Амнезия на события глубокой фазы». «Постгипнотические внушения могут закрепляться слишком жестко».

Она откинулась на спинке кресла. За окном город зажег свои оранжевые глаза. В кабинете было тихо, только тихое жужжание системного блока. Она представляла себе кабинет Вольского: сумрак, бархатный голос, человека в кресле, который тонет в звуке, превращаясь в чистую восприимчивость, в глину. И кто-то, кто мог лепить из этой глины все, что угодно. Сам Вольский? Или... кто-то еще?

Вольский писал о «крайней осторожности». Он знал о рисках. Был ли он осторожен в тот вечер? Или его осторожность оказалась недостаточной перед лицом чего-то – или кого-то – более искусного?

Маркова закрыла глаза. Перед ней снова встало лицо Ковалья с его пустым, недоумевающим взглядом. Не взглядом убийцы, даже раскаявшегося. Взглядом инструмента, который только что обнаружили у себя в руках и не могут понять, как он здесь оказался и для чего использовался.

Страх, холодный и знакомый, снова провел пальцем по ее позвоночнику. Она боялась гипноза. Боялась этой потери контроля. И теперь этот страх становился ее главным компасом в деле, где все улики указывали в одну сторону, а ее инстинкт – в совершенно другую, в темноту, где факты теряли твердую почву под ногами и превращались в зыбкие тени.

Она открыла глаза, потянулась к телефону. Нужен был эксперт. Кто-то, кто говорит на языке гипноза и может перевести его на язык следствия. Кто-то, кто не боится темной воды. Или, по крайней мере, знает, как в ней не утонуть.

Архив теней

Кабинет Вольского после завершения следственных действий был похож на театр после того, как спектакль отменили. Декорации остались на месте, но жизнь из них ушла, оставив после себя лишь густую, осевшую тишину и запах пыли, медленно вступающей в свои права. Маркова переступила порог одна, по договоренности с Лариным, который махнул рукой: «Копайся в своих духах и бумажках, если хочешь. Я буду людей по старым пациентам прогонять».

Опечатанная лента болталась разрезанной у косяка. Она закрыла дверь за собой, и звук щелчка замка отозвался в пустоте неестественно громко. Она остановилась, давая глазам привыкнуть. Полутьма. Свет скудного осеннего дня пробивался сквозь тяжелую портьеру, превращаясь в призрачное, серое сияние, которого едва хватало, чтобы различить очертания мебели. Она не стала включать свет. Вместо этого двинулась медленно, позволяя пространству воздействовать на себя.

Это была уже не просто комната. Это был механизм. Каждый предмет, каждый оттенок, каждый источник света – все было частью тщательно выверенной системы, цель которой – усыпить бдительность сознания, размягчить волю, открыть дверь. Кожаное кресло, все еще отмеченное мелом контура, где сидел Вольский, стояло чуть в стороне от центра, будто отползло в испуге. Его пустота была красноречивее любого присутствия. Маркова подошла, обошла его, смотря на то место, где сидел терапевт. Отсюда, с его позиции, кабинет представлял иным. Он не был симметричным. Книжные шкафы образовывали глухую, надежную стену справа. Слева – более открытое пространство с камином и картинами. Взгляд пациента, сидящего в кресле, естественным образом скользил к камину, к часам, к плавным линиям абстрактной статуэтки на столе. Все было направляющим, фокусирующим. Даже паркетные доски, если присмотреться, лежали так, что словно вели взгляд от двери к креслу.

Она присела на то самое место, где сидел Вольский. Кожа холодная, податливая. Отсюда было видно все, и в то же время ощущалась странная защищенность, уютная изоляция. Идеальная позиция наблюдателя. Или режиссера.

Ее размышления прервал легкий стук в дверь. Не дожидаясь ответа, вошла Алиса Георгиевна Вольская. Она несла себя, как драгоценный сосуд – плавно, без суеты, каждое движение выверено и экономно. На ней было простое черное шерстяное платье, жемчужная нитка на шее. Ее красота была холодной, высеченной из мрамора, и горе, если оно и было, пряталось где-то в глубине, за непроницаемым взглядом серо-голубых глаз.

– Елена Сергеевна, – голос был тихим, ровным, без дрожи. – Я видела, вы приехали. Могу я чем-то помочь?

Маркова встала.

– Я просто еще раз осматриваю место. Может, что-то упустили. Вы не против?

– Конечно нет. – Алиса Георгиевна сделала несколько шагов вглубь кабинета, ее взгляд скользнул по креслу, по пятну на ковре (его уже вычистили, но тень от него осталась, как шрам), по книжным шкафам. – Аркадий любил этот кабинет. Говорил, что здесь его вторая лаборатория.

– Лаборатория? – переспросила Маркова.

– Он был исследователем. В душе. Пациенты для него были не только страдающими людьми, но и... феноменами. Загадками, которые нужно решить. – В ее голосе не было осуждения, лишь констатация факта.

– Это не мешало ему помогать?

– Напротив. Он считал, что только глубокое понимание механизма может привести к настоящему исцелению. Но... – она запнулась, впервые за весь разговор ее уверенность дала микроскопическую трещину. – Иногда его любопытство брало верх над осторожностью. Он забирался слишком далеко.

– В каком смысле?

Алиса Георгиевна повернулась к ней, и Маркова увидела в ее глазах не горечь, а нечто более сложное – смесь уважения и старой, затаенной обиды.

– В смысле границ. Он стирал границы. Между терапией и экспериментом. Между помощью и... созерцанием. У него был один пациент, несколько лет назад. Сложный случай. Диссоциативное расстройство. Аркадий мог часами рассказывать о нем, о том, как пластична его психика, как в ней можно создавать целые миры. Он был увлечен. Слишком. Потом был скандал. Пациент прервал терапию. Аркадий был расстроен, но не как врач, а как ученый, у которого отняли самый интересный образец.

– Вы помните имя этого пациента?

Вдова медленно покачала головой.

– Нет. Аркадий никогда не называл имен дома. Конфиденциальность. Но он говорил о нем под кодом. «Зеркало». Потому что, говорил он, в этой психике все отражается и искажается удивительным образом.

Маркова запомнила это слово. «Зеркало». Оно повисло в тихом воздухе кабинета, обретая вес.

– В последнее время он был чем-то озабочен? Беспокоился?

Алиса Георгиевна задумалась.

– Последние месяца два... да. Он стал более замкнутым. Часто засиживался здесь допоздна, работал с архивами. Говорил, что наткнулся на «эхо старой ошибки». Но что имел в виду – не объяснил. Считал, что это его профессиональная ответственность, и не хотел меня грузить. – Она вздохнула, едва слышно. – Теперь я понимаю, что, возможно, он сам чувствовал угрозу. Но он никогда не просил о помощи. Он верил, что контролирует ситуацию. Всегда.

Она поправила жемчуг на шее, жест бессознательный, защитный.

– Если вам больше ничего не нужно, я оставлю вас. Личные вещи Аркадия я уже собрала. Если понадобится доступ к его домашнему компьютеру – пожалуйста.

– Спасибо, – кивнула Маркова.

Алиса Георгиевна вышла так же бесшумно, как и появилась, оставив после себя легкий шлейф дорогих, холодных духов – не тех, что искал Коваль.

Маркова снова осталась одна. «Эхо старой ошибки». «Зеркало». Она подошла к книжным шкафам, провела пальцем по корешкам. Труды по психиатрии, нейробиологии, философские трактаты, старинные книги по оккультизму. На полке, почти на уровне глаз, стоял ряд толстых, кожаных тетрадей – рукописные журналы Вольского. Она взяла последнюю, датированную текущим годом. Листала страницы, исписанные аккуратным, убористым почерком. Записи были фрагментарны, с использованием множества сокращений и условных обозначений. Имена пациентов заменены на буквенно-цифровые коды. Она искала упоминание Ковалья.

Нашла: код «К-42». Описание сеансов, прогресс, наблюдения. И снова – пометки о «пластичности», «глубине погружения», «необходимости осторожности с импринтингом».

И вот, почти в конце, за месяц до убийства, запись, которая заставила ее замереть.

«Контрольная точка: Зеркало. Активность отмечена. Эхо стабильно, резонанс нарастает. Нужно проверить калибровку. Опасность обратной проекции. Встреча с С. запланирована на 18.00, обсудить демонтаж. Если откажется – придется чистить вручную. Риск высок. Этический тупик.»

Сердце Марковой забилося чаще. «Встреча с С.». Семенов? Возможно. «Демонтаж». «Чистить вручную». Это звучало как план действий, и звучало тревожно. Что за «эхо»? Что за «обратная проекция»?

Она услышала робкий скрип приоткрывающейся двери. В проеме стояла Виктория. Девушка выглядела постаревшей на десять лет, темные круги под глазами, руки стиснуты в замок перед собой.

– Елена Сергеевна... я могу?

– Войдите, Виктория.

Девушка вошла, осторожно закрыла дверь. Она не смотрела по сторонам, будто боялась встретиться взглядом с призраком.

– Я... я кое-что должна вам отдать. – Ее голос дрожал. – Доктор... он доверял мне. Он говорил, что если с ним что-то случится... нет, не так. Он говорил, что в нашей работе всегда есть риск непредвиденных реакций. И что нужно иметь точную запись всего. На случай... для защиты. И его, и пациента.

Она судорожно порылась в кармане кардигана и вынула маленькую металлическую флешку на тонкой серебряной цепочке.

– Это ключ. Программный. К его личному архиву. Все аудиозаписи сеансов, его расшифровки, личные пометки. Все зашифровано. Пароль... пароль – название его первой опубликованной статьи на английском. Я написала на бумажке.

Она передала флешку и смятый клочок бумаги. Маркова взяла их. Флешка была теплой от ладони девушки.

– Почему вы не отдали это сразу? Ларину?

Виктория покачала головой, и в ее глазах блеснули слезы.

– Инспектор... он не понимает. Он думает, доктор был шарлатаном или... что он сам виноват. А архив... это святое. Это наследие. Доктор не хотел бы, чтобы его вырывали из контекста, тыкали в него пальцами. Но вы... вы вчера спрашивали про запах. Вы увидели. Вы ищите не только то, что на поверхности. Поэтому я... я рискую.

– Рискуете?

– Я нарушаю инструкции доктора. Он говорил, что архив – только для него и для... для высшего этического совета, если что. Но совета нет. А убийца, может, на свободе. – Она вытерла ладонью щеку. – Найдите правду. Но, пожалуйста... будьте осторожны с тем, что там найдете. Некоторые вещи... они как хирургические инструменты. В руках профессионала они лечат. В чужих – калечат.

Виктория повернулась и почти выбежала из кабинета.

Маркова зажала флешку в кулаке. Острый край пластика впился в ладонь. Теперь у нее был ключ. К лабиринту. И предупреждение.

Она вернулась в прокуратуру ближе к вечеру. В своем кабинете, при синем свете монитора, она вставила флешку. Потребовалось несколько попыток, чтобы запустилась специальная программа-дешифратор. Пароль сработал. На экране возникло окно с древовидной структурой папок. Каждая папка – код пациента. Она нашла «К-42». Внутри – аудиофайлы с датами и странные текстовые файлы с расширением .log.

Она открыла последний аудиофайл, датированный днем убийства. Нажала play.

Сначала тишина, потом легкий шорох, скрип кресла. И голос. Бархатный, спокойный, текучий. Голос Вольского.

«...и с каждым выдохом вы погружаетесь глубже, в приятную, теплую тяжесть... звуки вокруг становятся далекими, неважными... есть только мой голос... и ваше дыхание...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.